

Отечественные записки

Том 195

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-82

О-82 Отечественные записки: Том 195 / – М.: Книга по Требованию, 2022. –
482 с.

ISBN 978-5-518-08873-3

ISBN 978-5-518-08873-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

внугу, то молодого человѣка за фортепіано. „Ну, ужь слѣдующая комната должно быть кабинетъ“, думалъ я; но въ слѣдующей комнатѣ сидѣла дѣвушка и вышивала что-то въ пальцахъ, и мы проходили ее, такъ же какъ другія.

— Садитесь пожалуйста, съ кроткимъ дѣловымъ выраженіемъ сказалъ Буровъ, когда я отрекомендовался ему и объяснилъ, въ чемъ дѣло. Онъ имѣлъ странную привычку махать рукой по своимъ гладко обстриженнымъ волосамъ, какъ будто они всегда были въ поту и ему было всегда жарко. Рыхлое бѣлое лицо его имѣло какое-то жалостное плачущее выраженіе; бѣлыя, мягкія, точно ватныя, руки постоянно трислись, точно надъ какимъ соковыщемъ, и видя его въ просторномъ кабинетѣ, передъ большимъ столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами, я почему-то вспомнилъ Плюшкина, хотя изящно одѣтый, полный и во всѣхъ отношеніяхъ приличный Буровъ нисколько не походилъ по своей наружности на Плюшкина.

— Я получилъ вчера письмо отъ вашей тетушки, какимъ-то тихимъ, жалостнымъ голосомъ сказалъ Буровъ, тщательно вычистивъ перо и втыкая его въ дробь. Тутъ же онъ осторожно сдунуть маленькую пылинку съ бѣлаго листа и, взявъ въ свои дрожавшія руки костяной ножикъ, медленно заговорилъ:—я завтра поговорю съ архитекторомъ и попрошу его осмотрѣть вашъ домъ. Всѣ необходимыя передѣлки будутъ зависѣть, конечно, отъ васъ, а потому вы потрудитесь осмотрѣть домъ вмѣстѣ съ нимъ. Съ нимъ вы поговорите и слѣайте ему свои указанія. Вы—какъ думаете—здѣсь остаться по окончаніи курса?

— Да, я буду въ университетѣ.

— А послѣ?

— Я думаю здѣсь.

— Въ такомъ случаѣ нечего жалѣть денегъ на перестройку. Впрочемъ, все это будетъ зависѣть отъ васъ. Вы зайдете ужь сами къ архитектору.

Я всталъ. Буровъ тоже вскочилъ на ноги и махнулъ ладонью раза два надъ своими стриженными волосами, какъ будто согная муху. Онъ подаль мнѣ свою мягкую ватную руку, и мы распростылись.

Это было мое новое торжество; я былъ радъ, но изъ всѣхъ силъ наблюдалъ за собой, чтобы не имѣть глупо-торжественнаго вида имянина или вновь пожалованнаго генерала, Мысль, что я официально признанъ взрослымъ, что теперь кое-что будетъ *зависеть отъ меня* ласкала и щекотала мою гордость, и мнѣ даже какъ-то неловко было видѣть себя въ курточкѣ и вѣрить, что я все еще нахожусь въ пансіонѣ. Всѣ старанія мои были

направлены къ тому, чтобъ не выдать своихъ мыслей, не выказывать радости, гордости, или вообще какой бы то ни было перемѣны характера. Въ послѣднее время я какъ-то привыкъ всюду ходить съ Малининымъ, и не хотѣлъ на этотъ разъ нарушить своей привычки, чтобы не подумали, что перемѣна моего положенія произвела на меня какое-нибудь впечатлѣнiе. Впрочемъ, я съ торжествомъ выдержалъ свою роль, и, проходя вмѣстѣ съ архитекторомъ по запыленнымъ комнатамъ пустаго дома, довольно легко дѣлалъ равнодушный видъ человѣка, привыкшаго вести серьезныя разговоры о передѣлкѣ домовъ.

— Однакожь тутъ хорошо будетъ устроено, сказалъ Малининъ, когда мы, простившись съ архитекторомъ, возвращались назадъ въ гимназiю.— Неужели ты не радъ, что тебѣ достался такой домъ? Вѣдь хорошiй домъ!

— Не особенно, съ важностью исполнѣ понимающаго человѣка сказалъ я.

По окончанiи работъ, мы съ Малининымъ обошли по только что просохшей краскѣ половъ всѣ пустыя комнаты, и нашли, что все сдѣлано исполнѣ удовлетворительно. Черезъ день я переехалъ изъ пансиона въ новый домъ; Малининъ съ грустью провожалъ меня.

— Къ тебѣ можно будетъ когда-нибудь прiѣхать? спросилъ онъ, прощаясь, чтобъ воротиться въ пансионъ.

— Что за дикiй воопрсъ! Конечно—можно.

— Нѣтъ, можетъ быть, неловко, когда прiѣдутъ...

Я успѣшилъ успокоить Малинина, что прiѣдутъ не звѣри, а люди, а потому большой неловкости въ его посѣщенiяхъ быть не можетъ.

Въ началѣ мая явился Андрей съ прислугой въ лицѣ мальчишки Сеньки, и поселился въ домѣ, развлекаясь на первое время продолжительными совѣщанiями съ портными и сапожниками. Со мной онъ былъ очень очень ласковъ и нѣжно благодарилъ, что я устроилъ его комнату съ выходомъ въ садъ такъ, какъ онъ желалъ. Всегда неумѣренный въ своихъ чувствахъ, онъ предлагалъ мнѣ даже, въ знакъ благодарности, помѣняться комнатами, такъ-какъ моя была нѣсколько меньше и значительно скромнѣе его. На другой день по прiѣздѣ, онъ собралъ всѣхъ своихъ друзей: Бенедиктова, Овѣрина и Новицкаго и повелъ ихъ осматривать домъ.

— Молодецъ! молодецъ! широко улыбаясь, говорилъ Бенедиктовъ, какъ будто братъ самъ своими руками такъ хорошо наклеилъ обои, выкрасилъ полы и выштукатурилъ потолоки.

Овѣринъ нашелъ, что все сдѣлано хорошо, но въ залѣ слѣ-

довало бы поставить гіероновъ фонтанъ для освѣщенія воздуха, тѣмъ болѣе, что такой фонтанъ стоитъ очень недорого; кромѣ этого, онъ находилъ нужнымъ замѣнить въ комнатѣ Андрея обыкновенную кровать висячей матросской койкой, на которой очень здорово спать, и притомъ очень пріятно качаться.

По окончаніи осмотра, Андрей отправилъ Сеньку за виномъ, и мы, какъ слѣдуетъ благовоспитаннымъ людямъ, распили полбутылки шампанскаго за прочность и благополучіе вновь устроеннаго дома.

Вскорѣ пріѣхала и тѣтушка съ сестрой и цѣлымъ обозомъ всякаго хозяйства. Тѣтка осталась очень довольна передѣлками въ домѣ, а восторгъ сестры могъ развѣ сравниться только съ восторгомъ ея горничной Натальи. Обѣ онѣ въ почтительномъ молчаніи обошли раза два всѣ комнаты, осторожно притрогиваясь по пути къ обоямъ, пробуя дверныя ручки и посматривая въ зеркала. Оставшись довольными обоями, ручками и зеркалами, онѣ ушли въ Лизину спальню, и стрекотали тамъ до вечера самымъ восторженнымъ образомъ.

На другой день тѣтка съ сестрой отправилась съ визитомъ къ близкимъ родственникамъ, и за обѣдомъ мы узнали, что тѣтушкѣ очень не понравилась Катерина Григорьевна, а сестра почему-то съ перваго взгляда возненавидѣла Володю, и увѣрилась, что Ольга сдѣлалась гордянкой, и воамечтала о себѣ нивѣсть чтѣ такое. Тѣтушка остроумно увѣрила, что Катерина Григорьевна, на старости лѣтъ, штуватурится, точно кукла изъ парикмахерской. Сестра съ своей стороны находила, что Володя модничаетъ еще больше матери, и для этой цѣли носить длинные волосы, которые, къ стыду своему, вѣроятно, каждое утро завиваетъ желѣзными щипцами. Володя, дѣйствительно, въ послѣднее время началъ носить пиджаки какого-то диваго сѣраго цвѣта, модныя, широкія брюки и длинные волосы; ко всему этому онъ иногда прибавлялъ синіе очки и мягкую, пуховую шляпу, прозванную въ гимназіи *анаемской*: до того она была либеральна.

Тѣтушка, всегда увѣрявшая, что она была принята въ высшемъ московскомъ обществѣ, не поцеремонилась, однакожъ, такъ холодно принять у себя Катерину Григорьевну, что та надолго перестала насъ беспокоить своими визитами. Володя, всегда оказывавшій нѣкоторую брюзгливость къ нашему сообществу, на первый разъ посѣтилъ насъ довольно благосклонно, и я, можетъ быть, сошелся бы съ нимъ въ это свиданіе значительно ближе, еслибъ не мѣшали Андрей и Лиза, которые вообще смотрѣли на него очень недружелюбно.

Наша жизнь въ новомъ домѣ потекла совершенно на подобіе жизни въ деревнѣ, съ той только разницею, что не было такой скуки. Андрей, просиживая до полуночи, пересталъ вставать съ зарей, что, впрочемъ, не мѣшало ему мѣшать мнѣ спать вечеромъ, когда онъ обыкновенно являлся въ мою комнату, и, сидя на моей постели, рассказывалъ на сонъ грядущій свои дневныя похождения. Обѣдали мы въ тѣ же часы; въ тѣ же часы пили чай, и послѣ чая тѣтушка также читала краткія наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ себя вести молодой дѣвушкѣ, нежелающей, чтобы ея будущій мужъ застрѣлился или бѣжалъ изъ отечества за границу. Лиза въ это время сдѣлалась предметомъ всеобщихъ попеченій, и на нее изливались со всѣхъ сторонъ самыя противоположныя наставленія. Андрей сдѣлался ультра-радикаломъ, и проповѣдывалъ ей полную свободу и равноправность женщинъ; тѣтушка тянула ее въ крайне-консервативную сторону, а я воспитывалъ въ ней умѣренно-либеральныя принципы тогдашняго „Русскаго Вѣстника“, который былъ въ большой модѣ.

У насъ ежедневно бывали Новицкій и Малининъ; послѣдній, въ первый же визитъ по пріѣздѣ Лизы, объявилъ мнѣ, что онъ въ нее влюбленъ.

— Отъ сна и отъ ѣды отблѣло, извѣстилъ онъ меня черезъ нѣсколько времени.

Я, шутя, посоветовалъ ему принять слабительнаго, и онъ пришелъ въ такое негодованіе, которое было вовсе несвойственно его кроткой душѣ. Любовь дѣлаетъ чудеса.

— Ты не понимаешь чувствъ!... Циникъ. Слабительное! разазартился Малининъ.

Вообще, по всему было замѣтно, что его существованіе отравлено не на шутку. Приходя къ намъ, онъ по большей части молча садился въ уголь, и, предаваясь тоскливымъ мечтамъ, сощѣлъ носомъ, какъ влюбленный купидонъ.

Новицкій тоже сдѣлался у насъ своимъ человекомъ. Тѣтушка рѣшительно влюбилась въ него, и ничего не дѣлала безъ его совѣта, выставляя Семена образцомъ почтительности, столь рѣдкою въ молодыхъ людяхъ. Она значительно постарѣла, и не замѣчала, что подъ почтительностью Новицкаго, съ которой онъ ставилъ ей подъ ноги свамейку, заключалось много оскорбительной снисходительности къ старухѣ. Чтобы какимъ-нибудь деликатнымъ манеромъ доставить Семену, въ вознагражденіе за почтительность, нѣсколько лишнихъ рублей мѣсячнаго дохода, тѣтушка предложила ему давать уроки Лизѣ. Лиза, къ великому неудовольствію Малинина, согласилась учиться, и уроки пошли довольно аккуратно.

Я не могъ смотрѣть безъ смѣха, какъ несчастный Малининъ мѣлѣ, тлѣлѣ и облизывался, глядя на Лизу, сидящую рядомъ съ Новицкимъ, котораго онъ возненавидѣлъ всѣми силами своей души. Каждая ошибка Семена на урокѣ приводила бѣдняка въ настоящій восторгъ, и онъ немедленно сообщалъ мнѣ объ ней, вѣроятно, надѣясь подорвать авторитетъ Новицкаго въ педагогическомъ дѣлѣ.

Андрей тоже какъ-то подмѣтилъ, что Малининъ собираетъ пуговицы и ленточки, которые случалось терять Лизѣ, и потомъ, удалясь въ садъ, вздыхаетъ надъ этими предметами, цалуя пуговицы и съѣдая цѣликомъ ленточки. Вслѣдствіе этого братъ уговорилъ Лизу терять какъ можно больше лентъ и пуговицъ, вѣроятно, ожидая, что Малининъ когда-нибудь объѣстся лентами или подавится пуговицей. Кромѣ всего этого, онъ убѣдилъ влюбленнаго поднести предмету своей страсти какое-нибудь стихотвореніе, и рекомендовалъ, какъ самое лучшее и подходящее въ случаю: „По синимъ волнамъ океана“. Малининъ хотя и ѣлъ ленточки, но все-таки былъ не такъ глупъ, и поднесъ Лизѣ другое стихотвореніе: „Въ полдневный жаръ, въ долині Дажестана“, — съ рисункомъ, какъ онъ лежалъ въ этой долині, и какъ у него „глубокая въ груди чертѣла рана“.

Вообще эта несчастная любовь доставляла намъ много удовольствія, и порой мы хохотали, какъ сумасшедшіе. Къ довершенію нашей веселости, Андрей познакомился со Стульцевымъ, и въ короткое время узналъ, что онъ имѣетъ странную привычку сдергивать очки, когда его бьютъ, становиться въ стѣнѣ и кричать: „Ну, ну, полно, что за шутки! Очки разобьешь“. Надъ Стульцевымъ даже не брезговала смѣяться тѣтушка, приходившая въ крайнее изумленіе предъ этимъ моремъ вранья. За столомъ, если у насъ обѣдалъ Стульцевъ, обыкновенно происходилъ турниръ, въ которомъ принимали участіе всѣ безъ исключенія, соперничествуя другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи самыхъ нелѣпыхъ лжей. Стоило Стульцеву рассказать, что онъ видѣлъ китайскую кошку, величиною въ кулакъ, чтобы братъ тотчасъ же разсказалъ промышлей съ горошину, которыхъ ловить стульцевская кошка, а Новицкій сообщалъ устройство наперстка, которыми ловятъ этихъ мышей, и проч. и проч.

— Отчего ты, Стульцевъ, всегда врешь? убѣдительно говорилъ ему Малининъ.

— Ну. Ну что? отлынивалъ Стульцевъ, притворяясь, что онъ вовсе не слышитъ словъ Малинина.

Утромъ, по обыкновенію, братъ провожалъ меня въ гимназію, и часто просиживалъ въ библиотекѣ до окончанія классовъ. Такъ-

какъ въ седьмомъ классѣ повторялось все старое, знакомое, мы часто не ходили на уроки, проводя время въ библіотекѣ, гдѣ собиралось много народа изъ гимназистовъ и семинаристовъ, и было очень весело. Овѣрину къ этому времени почему-то не понравился русскій шрифтъ. Дойдя до мысли, что печатный шрифтъ долженъ вполнѣ соответствовать современному письменному шрифту, а не древнему полууставу, онъ, послѣ многочисленныхъ математическихъ выкладокъ, изобрѣлъ новый русскій шрифтъ, и читалъ намъ въ библіотекѣ длинныя лекціи о красотѣ и преимуществахъ своихъ буквъ передъ тѣми, которыя употребляются теперь. Не довольствуясь этимъ, онъ забралъ у своего попечителя за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ свое жалованье, заказалъ пунсоны, и предполагалъ не только отлить новыя буквы, но даже напечатать ими свое сочиненіе о новомъ русскомъ шрифтѣ.

Грачевъ къ этому времени окончилъ нелѣпѣйшую статью, подъ названіемъ „Ученость и религіозность“, и навелъ на всѣхъ ужасъ, предлагая прочесть хоть небольшіе отрывки изъ своего произведенія. Новичкѣй предлагалъ ему поставить эпиграфомъ къ этому сочиненію: „ничего въ волнахъ не видно“, а Андрей находилъ, что слѣдуетъ совсѣмъ перемѣнить заглавіе, и назвать „утреннее размышленіе kota въ сапогахъ“. Послѣ серьезныхъ опасеній, чтобы рукопись не пропала какъ-нибудь на почтѣ, Грачевъ, наконецъ, отправилъ свой трудъ въ одну петербургскую редакцію, и началъ нетерпѣливо рыться въ журналахъ: не отпечатана ли его статья? Кто-то помогъ ему отыскать на послѣдней страницѣ журнала слѣдующій отвѣтъ: „Въ г. Р. г. Г-ву. Ваша религіозность не подвержена никакому сомнѣнію; къ сожалѣнію, мы того же не можемъ сказать о вашей учености. Со статьей вамъ можно пріютиться въ *Домашней Бесѣдѣ*“. Надъ этимъ послѣднимъ журналомъ, какъ извѣстно, въ то время тяготѣло такое проклятіе, что одно прикосновеніе къ нему могло навсегда погубить репутацію человѣка, и насмѣшкамъ надъ Грачевымъ не было конца. Послѣ этого все его значеніе утратилось, и онъ навсегда пересталъ уже свисока обличать другихъ въ бездѣльничествѣ, выставляя себя жрецомъ настоящаго серьезнаго дѣла, мученикомъ ученой скуки и сухости.

Послѣ Грачева, тонъ общественному мнѣнію библіотеки началъ задавать Шрамъ, который въ своемъ сѣро-дыкомъ пиджакѣ, въ широкихъ штанахъ, съ синими, золотыми очками на носу стоялъ на такой высотѣ либерализма, до которой никто изъ насъ не могъ достигъ. Онъ дѣлалъ свои замѣчанія еще болѣе

высока, чѣмъ Грачевъ, и его презрительныхъ насмѣшекъ болялись всѣ гораздо больше, чѣмъ прежнихъ дубовыхъ грачевскихъ остротъ. Подъ угрозой этихъ насмѣшекъ, мы ревностно наблюдали другъ за другомъ, и я могу поручиться, что въ то время мы были истинными, чистокровными либералами болѣе, чѣмъ когда-нибудь въ жизни. Володя былъ строгъ, пожалуй, еще больше, чѣмъ Грачевъ. Тотъ дозволялъ, по крайней-мѣрѣ, читать что угодно, а теперь держать въ рукахъ повѣсть, которая почему-нибудь не нравилась главнокомандующему, — было уже величайшимъ преступленіемъ.

Овѣринъ въ этомъ случаѣ могъ по всей справедливости гордиться своимъ сумасшествіемъ. Онъ совсѣмъ не поддавался стѣсненіямъ, относившимся до другихъ, и безъ всякаго страха читалъ, говорилъ и дѣлалъ все, что ему вздумается. Впрочемъ, слишкомъ занятый съ одной стороны математикой, а съ другой—русскимъ шрифтомъ, Овѣринъ сталъ совсѣмъ мало читать и даже рѣдко просматривалъ газеты. Онъ начерталъ себѣ слѣдующую программу: прежде всего онъ изучитъ математику, потомъ примется за естественныя науки, затѣмъ перейдетъ къ социальнымъ, изучитъ философію, и сдѣлается великимъ писателемъ. До тѣхъ же поръ, пока онъ не покончитъ съ математикой, заниматься чѣмъ-нибудь другимъ было бы, по его мнѣнію, глупымъ упражненіемъ сапожника въ печеніи пироговъ. Этотъ планъ Овѣринъ открылъ Малинину, въ которомъ находилъ всегда терпѣливаго и ласковаго слушателя, согласнаго съ какимъ угодно парадоксомъ. Впрочемъ, я этимъ не хочу сказать, что Овѣринъ искалъ или желалъ имѣть когда-нибудь слушателей; я увѣренъ, что чувствуя сильную потребность высказаться, онъ, безъ всякихъ затрудненій, объяснилъ бы все что нужно первому дереву, попавшемуся въ саду. Онъ и относился къ своимъ слушателямъ такъ, какъ къ деревьямъ, разговаривая точно актеръ съ суфлѣрской будкой. Малининъ, выслушавъ Овѣринскій планъ, вдругъ вздумалъ замѣтить—по какой же причинѣ Овѣринъ отрывается отъ математики и заботится о красотахъ русскаго шрифта. Замѣчаніе попало не въ бровь, а въ глазъ, и Овѣринъ очень смутился.

— Отчего? переспросилъ онъ.—Во-первыхъ, я тутъ тоже занимаюсь математикой: это задача, а вовторыхъ... Видишь ли ты—математика для меня обѣдъ, а шрифтъ—пирожное.

Вѣроятно, въ радостномъ порывѣ, что онъ такъ легко выпутался изъ затрудненія, Овѣринъ улыбнулся, и слегка ударилъ ничего непонимающаго Малинина по плечу.

— Послушай, Овѣринъ, отчего ты такой пентюхъ? сказалъ вдругъ Малининъ: — все ты съ книгами: вонъ и руки у тебя

всегда въ мѣду перепачканы. Ты этакъ скоро умрешь; человѣку нужны развлечения. Ты прежде хотъ купаться ходилъ, а теперь и купаться тебѣ лѣнь ходить: какъ старуха, все сидишь надъ книгами.

— Да—а, въ размышленіи сказала Овѣринъ, отходя однакожь опять къ своимъ книгамъ, къ своему мѣлу и доскѣ.

Но, сверхъ всякаго чаянія, замѣчаніе Малинина не пропало даромъ. Овѣринъ рѣшилъ, что для него необходимы удовольствія. Но какія же удовольствія?—Овѣринъ, вѣроятно, довольно долго думалъ надъ этимъ вопросомъ, потому что выдумалъ наконецъ для себя очень занимательное удовольствіе.

Разъ, въ воскресенье, мы съ братомъ зашли мимоходомъ въ гимназію, узнать не получены ли новые журналы, и такъ—какъ ихъ не было — стали спускаться назадъ по лѣстницѣ. Насъ догналъ Овѣринъ.

— Куда ты? спросилъ Андрей.

— Тутъ, недалеко.

— Да куда же?

— Тутъ... Не знаешь ли, гдѣ поближе кабакъ?

Овѣринъ произнесъ свой вопросъ съ такой заботливой серьезностью, съ какою возвратившійся на родину солдатъ спрашиваетъ—не знаютъ ли, куда дѣвалась избушка его родныхъ. Слова всякаго другаго были бы приняты, конечно, за шутку, но услышавъ отъ Овѣрина, что онъ направляется въ кабакъ, мы ни на минуту не усомнились, что дѣль его настоящаго путешествія дѣйствительно ближайшій питейный домъ.

— Въ кабакъ! вскричалъ Андрей.—Зачѣмъ же?

— Хочу напиться, задумчиво отвѣчалъ Овѣринъ тихимъ тономъ, какимъ говорятъ: „хочу купить тысячу билетовъ перваго займа съ выигрышами“.

— Съ горя? спросилъ я.

— Нѣтъ,—видите ли, озабоченно началъ Овѣринъ:—видете ли, мнѣ дѣйствительно нужны удовольствія. Нельзя же все сидѣть надъ книгами нелюдимомъ! Я думалъ — что бы такое? Другіе находятъ удовольствіе въ танцахъ. Я не умѣю танцевать, а то сходилъ бы въ садъ, когда никто не мѣшаетъ, протанцевать тамъ гдѣ нибудь, и воротился бы...

Напряженная серьезность Овѣрина вызвала съ нашей стороны такой хохотъ, что мы долго не могли слушать его.

— Театры отнимаютъ много времени, продолжалъ Овѣринъ, вѣроятно изумляясь, чему мы смѣемся.—Верховая ѣзда—ничего бы, надо опять много денегъ: лошадей надо покупать, да, наконецъ, я не умѣю и ѣздить. Ну, и верховая ѣзда, кромѣ того, не всѣмъ

же нравится. Пьянство нравится всѣмъ. Мастеровой работа-
еть цѣлую недѣлю, а въ воскресенье напивается. Вотъ и я
такъ буду...

Овѣринъ съ увѣренностью смотрѣлъ въ даль и ровнымъ, твер-
дымъ шагомъ шелъ впередъ. Намѣреніе его было непреклонно.

— И напѣешься? смѣясь спросилъ братъ.

— Напьюсь. И тебѣ тоже совѣтую, съ любезнымъ простоду-
шіемъ предложилъ Овѣринъ.—Я знаю, вы не пьете даже шам-
панскаго, обратился онъ ко мнѣ:—а потому васъ не приглашаю.
Намъ съ тобой двухъ штофовъ достаточно. У меня есть деньги.

Братъ пришелъ въ восторгъ, и немедленно объявилъ свою
твердую рѣшимость тоже идти въ кабакъ.

— Пойдемте лучше къ намъ—тамъ есть водка, можете на-
питься какъ угодно, уговаривалъ я.

— Нѣтъ, мы пойдемъ въ кабакъ! отвѣтилъ Андрей.

— Отчего же не пить въ кабакъ на свои деньги! удивился
Овѣринъ.

— Васъ тамъ отколотятъ...

— Мы сами отколотимъ. Ну, вонъ кабакъ. Пойдемъ и ты съ
нами, весело говорилъ Андрей, обрадовавшійся скандалу.

— Я еще не сошелъ съ ума. Андрей, вѣдь ты дѣлаешь скан-
далъ на весь городъ! У насъ есть сестра... истощался я въ убѣж-
деніяхъ.

— У меня нѣтъ сестры, разсудительно объявилъ Овѣринъ.—
До свиданія!

И оба они скрылись въ дверяхъ, изъ которыхъ выхлынулъ
какой-то безобразный гамъ и визгливый голосъ, покрывавшій
этотъ гамъ:

Хлѣба—нѣтъ
Соли—нѣтъ,
Смѣхъ какой!

— Чортъ съ ними, пробормоталъ я, и съ яростью воротился
домой одинъ.

На вопросъ сестры, гдѣ Андрюша, я объявилъ, что Овѣринъ
положительно сошелъ съ ума, а такъ-какъ братъ всегда былъ
дуракомъ, то неудивительно, что они сошлись теперь, и отпра-
вились вмѣстѣ въ кабакъ. Я былъ очень раздраженъ, и не ща-
дилъ колкостей, чтобы всячески унижить Овѣрина и брата. Но
на сестру слова мои произвели совершенно обратное дѣйствіе.
Она покраснѣла, и взглянувъ на ея лицо, я ясно увидѣлъ, что
она готова бы сію же минуту полетѣть въ кабакъ, вслѣдъ за
предметомъ своей нелѣпой страсти, котораго она, впрочемъ, не
видала еще ни разу въ жизни!

Я замолчалаъ.

— Отчего этотъ Овѣринъ не ходитъ къ намъ? чрезъ минуту перѣшительно спросила меня сестра,

— Если ты хочешь, вѣшаться на шею къ этому сумасшедшему, можешь сама сходить въ нему. Онъ тебѣ докажетъ, какъ дважды два, что буква ш безобразна, какъ... вотъ какъ ты! почти закричала я на сестру.

— Что ты кричишь! Шель бы съ ними въ кабакъ, тамъ и кричалъ бы, раздражительно сказала Лиза, и ушла отъ меня.

Я остался одинъ злиться и проклинать всѣхъ, начиная съ Овѣрина до сестры. Когда, передъ обѣдомъ, пришелъ Малининъ, я даже не утерпѣлъ не обругать и его за то, что онъ навелъ Овѣрина на поганую мысль объ удовольствіяхъ.

— Что такое!—ничего, простодушно объяснилъ мнѣ Малининъ.—Овѣринъ упалъ въ обморокъ, ему сдѣлалось дурно. Ну, Андрей и привезъ его на извозчикѣ домой. Мы вмѣстѣ съ Андрюшей пришли.

Въ это время явился Андрей, и я значительно успокоился тѣмъ, что онъ не былъ пьянъ. Оказалось, что Овѣринъ, основательно разсуждая, что по малости пить не стоитъ, спросилъ въ кабацѣ (сразу четверть ведра. Но когда они съ Андреемъ вышли по третьей рюмкѣ, Овѣрину сдѣлалось дурно, и онъ, что называется, раскисъ вполнѣ. Братъ отдалъ водку чиновникамъ, сидѣвшимъ въ кабацѣ, и привезъ больнаго Овѣрина, безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній, въ гимназію.

На другой день у Овѣрина была головная боль, что, конечно, ему очень не нравилось, и онъ объявилъ, что никогда больше не намѣренъ развлекаться какимъ бы то ни было удовольствіемъ, объяснивъ, что математика для него таковой же завлекательный романъ, какъ „Три Мухомера“, что каждое мѣсто, на которомъ онъ останавливается, для него лучшая патетическая сцена, и онъ не можетъ успокоиться отъ волненія: что будетъ дальше?

XVI.

Любовныя дѣла Овѣрина и Малинина.

Начались экзамены; черезъ недѣлю мы должны были навсегда проститься съ гимназіей. Всѣ очень были заняты послѣдними выпускными экзаменами, а Малининъ и Грачевъ, соперничествовавшіе получить единственную гимназическую стипендію въ университетѣ, съ какимъ-то яростнымъ азартомъ ходили изъ угла